

УДК 94(47).084
ББК 63.3(2)6-7

**«Используем наши рождественские
колядки <...> предложив все это <...>
через коммунистическую призму»:
карнавалы как часть антирелигиозных
кампаний 1920–1930-х гг.
(на материалах Смоленской губернии
и Западной области)**

Демьян Валерьевич Валуев

Смоленский государственный университет,
Смоленск, Россия

Доцент, кандидат исторических наук

ORCID: 0000-0002-8454-0295

Кафедра всеобщей истории и международных отношений

Смоленского государственного университета

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,

Тел.: +7 (4812) 700-280,

E-mail: valuev.demyan@mail.ru

DOI: 10.31168/2658-3356.2021.15

Аннотация: В начале нэпа советское руководство несколько ослабило давление на религию. При этом оно не собиралось отказываться от борьбы с «религиозными предрассудками». Характерной чертой антицерковной кампании, на рубеже 1922–1923 гг. стало то, что основной упор при ее организации был сделан на средства, затрагивавшие эмоциональную сферу. Центральным ее событием явилось «комсомольское рождество». Его стержнем были карнавалы, в ходе которых высмеивались обычаи и традиции разных религий. По такому же сценарию предполагалось провести и «комсомольскую пасху». Но в марте 1923 г. ЦК РКСМ запретил «устройство каких бы то ни было уличных демонстраций и карнавалов», рекомендуя придавать антирелигиозным кампаниям более «углубленный пропагандистский характер». Тем не менее в самом конце 1920-х гг. власти начали возвращаться к тем приемам, которые ранее были отвергнуты как «грубые» и «вредные». В частности, организовывались антирождественские и антипасхальные карнавалы по образу и подобию «комсомольского рождества»

1923 г. На материалах смоленских архивов и местной прессы возможно реконструировать процесс организации и проведения антирелигиозных шествий, выявить их региональные особенности, а также проследить реакцию населения на них.

Ключевые слова: *антирелигиозный карнавал, «комсомольское рождество», Смоленск, Союз воинствующих безбожников*

В середине 1920-х гг. политика власти по отношению к церкви несколько смягчилась. Можно утверждать, что «новая экономическая политика сопровождалась <...> временным снижением административного давления на религию с целью умиротворения населения и снятия социальной напряженности после недавних экономических потрясений» [Главацкая, Бахарев, Заболотных, Торвальдсен 2017, 343]. Известный исследователь советской церковной политики И.А. Курляндский определяет этот период как «церковный нэп» [Курляндский 2011, 203–204].

Хотя партийное и государственное руководство ослабило насильственное давление на церковь, оно ни в коей мере не собиралось отказываться от борьбы с религией и «религиозными предрассудками». Характерной чертой антирелигиозной кампании, организованной на рубеже 1922 и 1923 гг., стало то, что «помимо уже испытанных агитационно-пропагандистских методов идеологического воздействия власть применила средства психологического давления, затрагивавшие сферу религиозных чувств, эмоций и личных переживаний людей» [Шмелев 2015, 92]. Центральным событием кампании должно было стать «комсомольское рождество», организовывавшееся ЦК РКСМ при поддержке высших партийных и советских органов.

Впрочем, началось все даже немного ранее. Как отмечает А.А. Слезин, «важное значение для становления данных форм работы имели проведенные осенью 1921 г. Еврейской секцией при ЦК РКСМ антирелигиозные кампании. Они сопровождались массовыми митингами и демонстрациями. В январе 1922 г. повсеместно рекомендовалось проводить обход по домам с красной звездой, “славя Советскую власть”, устраивать “красные елки”. Основным лозунгом кампании

было: “Смотр низложенных богов”. Комсомольцы должны были показать, что в праздниках нет никакой святости, а новому поколению не нужны ни боги, ни черти» [Слезин 2010, 82]. Но «позже ЦК РКСМ признавал, что “комсомольское рождество” было подготовлено плохо. Литература вышла лишь накануне мероприятия. 27 января 1922 г. ЦК РКСМ постановил провести “комсомольскую пасху” с большей подготовкой и привлечением Народного комиссариата просвещения». Однако и в этом случае «качественного перелома не произошло» [Там же].

Одним из ключевых событий намечавшегося «комсомольского рождества» 1923 г. стали антирелигиозные карнавалы. А.А. Слезин пишет: «Чтобы не возникло мнения, что “комсомольское рождество” – только противохристианский праздник, было решено направить его против всех религий» [Там же, 84]. С самого начала именно в таком ключе велась подготовка к данному выступлению в Смоленской губернии. В губернской молодежной газете «Юный товарищ» в заметке «Красные святки», опубликованной в декабре 1922 г., среди прочего говорилось: «Нужно использовать все вечеринки молодежи, самим организовывать вечера и спектакли, организовать традиционные игры (разъясняя их смысл и происхождение). А в больших городах (Смоленск, Вязьма, Рославль, Ярцево) помимо научных лекций предполагается устроить торжественные процессии (карнавал) с ряженными символическими группами, с той же целью антирелигиозной пропаганды» [Неверующий 1922].

Уже в первом выпуске главной губернской газеты «Рабочий путь» за 1923 г. был опубликован порядок празднования «комсомольского рождества» в Смоленске: «5 января для членов РКСМ, РКП и беспартийной молодежи будут проведены лекции на тему “Как рождаются боги” (Рождественский праздник, как праздник всех мировых религий). 6 января в обоих районах для комсомольцев и рабочей молодежи будут устроены антирелигиозные вечера с докладами: “почему без бога”, концертным отделением, пьесой “ночь под Рождество”. После вечеров веселый карнавал со звездой, факелами, фигурами различных богов, плакатами, группами ряженых пройдет по улицам с пением антирелигиозных частушек, карманьолы и других комсомольских песен». В конце публикации отмечалось: «Так вековой праздник одурманивания народных масс комсомольцы

превратят в праздник освобождения от религиозных пут» [«Комсомольское рождество» в Смоленске 1923].

Третьего января 1923 г. со страниц главной газеты губернии звучал призыв:

...в массах, к сожалению, религия еще имеет большое влияние и церковь использует привычку людей к празднованию, их стремление к радости и веселью.

Давайте же мы используем это стремление к веселью, не все же нам заниматься разными налогами, восстановлением хозяйства и т.д. Но соединим наше веселье с разумной наукой, вскроем заодно все языческие элементы происхождения христианских праздников, быть может, у тысяч темного народа откроются глаза на тот дурман, которым окутали его попы разных религий.

А для этого нарядим наших агитаторов разными жрецами халдейскими, Перунами, Иванами-Купалами и т.п. древними богами и ознакомим наше население со всеми ими. Используем наши рождественские колядки, наших ряженных, предложив все это соответствующим образом, через коммунистическую призму.

И тогда в тихий морозный сочельник старые надтреснутые колокола будут плакать об ушедших хороших временах и когда-то битком набитых храмах, красная молодежь выйдет на улицу праздновать свое «комсомольское Рождество», свои «революционные колядки» и пойдет со своей звездой – красной пятиконечной звездой с серпом и молотом в центре вместо Богородицы» [Гр. 1923].

Пятого января было опубликовано детальное расписание «комсомольского рождества». Антирелигиозные вечера намечалось провести вечером 6 января в зале университета и в Заднепровье, в театре «Красный путь». Карнавал, который включал в себя «торжественное шествие со звездой, факелами, ряженными, фейерверком, оркестром», должен был стартовать «в 9 часов вечера» от театра «Красный путь» и «в 9½ часов вечера» от здания университета. На лекции, вечера и карнавал приглашались «комсомольцы, члены РКП, рабочая молодежь, студенты рабфаковцы, учащиеся средних школ, красноармейцы, курсанты ВУЗ» [Губкоммол 1923].

В номере «Юного товарища», вышедшем в день Рождества, было помещено за подписью «Безбожник» стихотворение «На красный карнавал»:

Сегодня красный карнавал.
Сегодня с красною звездою
Пройдем мы шумною толпою,
По улицам, как грозный шквал.
Эй Магомет, Христос, Егова,
Вся рухлядь сгинувших веков.
Вы будьте к смерти все готовы.
Мы вас сожжем в огне костров.
И славить нынче мы не будем
Новорожденного Христа.
Сегодня мы докажем людям,
Что есть иная красота.
Что мы спасения не в небе,
В самих себе должны искать,
И должен неимуший хлеба
Дурман богов с себя согнать.
Пусть в пепел обратятся боги.
У нас ответ на все готов.
Эй паразиты... Прочь с дороги.
Долой раввинов, мулл, попов [Безбожник 1923].

Само «комсомольское рождество» происходило следующим образом:

Ещё с 6 часов вечера начали собираться в театр «Красный путь», проходя мимо церквей, которые плакали надтреснутым звоном, зазывая к себе молящихся.

В 8 часов театр был переполнен. Было около тысячи человек. Многие стояли на улице, т.к. помещение не могло вместить всех желающих.

Тов. Лицкевич, секретарь Заднепровского комитета РКСМ, в своей речи сказал: «Мы не будем молиться и ставить свечей. Мы научными истинами откроем глаза трудящимся, и они поймут, что нет того бога, на которого многие и до сих пор надеются, а есть один бог и владыка мира – труд, который все победит».

Тов. Васильев (Пузап) прочел лекцию о религии и о богах. Он говорил просто, понятно и убедительно.

После лекции тов. Васильева была поставлена пьеса «Необыкновенное происшествие в клубе комсомольцев».

– Это действительно было необыкновенно. На сцене можно было видеть и бога, и иностранных банкиров, фигурировали также попы всех мастей и рангов. Были меньшевики, эсеры, генералы, старые профессора. Пьеса была поставлена комсомольцами.

После пьесы все вышли на улицу, где уже стояла большая толпа. Заколыхались языки многочисленных факелов, к звездам полетели ракеты. На грузовике сидели ряженые попы и боги разных наций. Двухтысячная толпа с революционными песнями двинулась за грузовиком. Шествие направилось к университету.

Дорогой останавливались и разъясняли сущность комсомольского рождества.

Возле университета уже ждали заднепровцев, здесь была такая же толпа комсомольцев, курсантов и рабочих. С прибытием заднепровцев вся улица была запружена. Были произнесены речи, после чего шествие направилось по Пушкинской улице и остановилось у памятника Карла Маркса. Здесь были многочисленные выступления молодых ораторов, окруженных плакатами и красными электрическими звездами.

Народ прибывал и прибывал. От памятника Карла Маркса демонстранты двинулись снова вниз, и у Днепровского моста они разделились: заднепровцы пошли в свой клуб, остальные двинулись на гору [Егоров 1923].

А вот как изложил свои впечатления от маскарадного шествия в Смоленске корреспондент «Юного товарища»:

По улицам шли весело и смело, смеялись над старым миром, который рушится.

А толпа зевак рассуждала:

– Миколка! Глянька, глянь, а поп-то, хоть што заправдашний?

– А ты думал и нет?

– А вот и раввин, смотри, смотри – утекает ха-ха ...

– И правда убежал.

Толпа начала смотреть, как поп и раввин начали убежать.

Карнавал остановился на углу Пушкинской улицы, и две десятипудовые старушки уселись на скамейку.

– Фекла Ивановна! А ведь что вы думаете, а вдруг и правда, что бога нет?

– Да я бы и поверила, если бы... ну, как их... комсомолы... мертвцов оживили.

Они сосредоточились на речи оратора. И в это время произошло:

– Тррах... скамейка под тяжестью десятипудовых старух сломалась.

– Ух, ты...

Шествие направилось дальше. <...>

Испуганно пробежал поп, надвинув камилавку на глаза. Наши ребята подхватили на смех:

– Смотри, смотри мыши (попы) разбегаются. Народ прибавлялся. Шествие приближалось к концу. Запели Интернационал [Г-ый 1923].

Другой корреспондент той же газеты описывал карнавальное шествие в Рославле:

Вечером с 7 часов толпы гуляющих ожидали шествия, шествие, правда, запоздало, но, наконец, показались на главной улице факелы, не богомольная рабочая молодежь, а за ней толпы остальных граждан.

Меня поразили костюмы, не потому что они были очень замечательны, нет, но в костюмировке молодежь выразила необычайную красоту.

У монастыря пение комсомольского рождества и «акафистов». Смех и характерные шуточно одобрительные возгласы толпы.

«Комсомольское Рождество» дальше идет, на саях «духовенство»: поп, ксендз, раввин и мулла.

У собора опять остановка. Молебствие. Низвержение попа и раввина, муллы и ксендза. <...>

Шествие стройно поворачивает и направляется с пением Интернационала к исходному пункту движения, клубу железнодорожников [34-летний комсомолец 1923].

По образцу и подобию «комсомольского рождества» предполагалось провести и «комсомольскую пасху». Но в марте 1923 г. ЦК РКСМ разослал местным организациям письмо, в котором, признав успехи в проведении «комсомольского рождества», он рекомендовал «придать нашей очередной кампании к пасхе менее поверхностный и более углубленный пропагандистский характер». В связи с этим было «категорически» запрещено «устройство каких бы то ни было уличных демонстраций и карнавалов», и предложено «сосредоточить кампанию в стенах клубов и предприятий». Отмечалось, что «самые дни пасхи должны быть ознаменованы широкими, массовыми клубными вечерами, в которые должна вовлекаться беспартийная рабочая молодежь» [Шмелев 2015, 96]. Результаты «комсомольского рождества» критически были восприняты и в партийных верхах. В резолюции XII съезда РКП(б), состоявшегося в апреле 1923 г., значилось: «Нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательство над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков» [КПСС в резолюциях 1984, 115].

В протоколе пленума Смоленского губкома РКСМ, состоявшегося в декабре 1923 г., значилось: «Прошлое рождество было агитаци-

онным, а не пропагандистским, направленным большей частью против служителей культа. Нынешнее рождество должно быть и положить основу углубленной пропаганде на основе естественно-научных доказательств. Все это должно быть проведено в стенах клубов, развивая борьбу не против священников, а против религии. <...> Необходимо нашу программу выработать, не пересаливая, ибо это может повлечь оскорбление религиозных чувств массы» [Дети и молодежь Смоленщины 2006, 31]. Впрочем, некоторые элементы антирелигиозного карнавала предлагалось оставить, особенно в работе с детьми. В частности, указывалось: «Можно устраивать комсомольские елки, украшая их вещами революционного характера, лозунгами, вопросами и т.д. и затем, во время вечеринок и хороводов, в непринужденной обстановке развивать пропаганду» [Там же, 31–32].

Следует отметить, что элементы антирелигиозных карнавальных шествий, несмотря на отказ от организаций самих карнавалов, проявлялись периодически в тех или иных агитационно-пропагандистских акциях. В заметке под красноречивым заголовком «Довольно антирелигиозного хулиганства», появившейся в «Юном товарище» в сентябре 1924 г., ее автор писал:

При всяком удобном и неудобном случае мы в демонстрацию вместим что-нибудь антирелигиозное, наряжаем, как клоунов, несколько попов и пускаем их на посмешище. Даже в демонстрации 10-летия войны и 7-го сентября тоже были попы. Результат получается не положительный, а отрицательный. Всякий рабочий, хотя он и неверующий, но с религией он еще не порвал. Такое кощунство не вырывает его из-под влияния религиозного дурмана, а вызывает возмущение, и мы получаем вполне заслуженный упрек.

Ведь, кажется, уже раз навсегда было постановлено нашими высшими органами и самими нами, чтобы никаких антирелигиозных карнавалов не устраивать.

Поэтому нам необходимо раз и навсегда отказаться от этих хулиганских выходов, а если вести борьбу с религией, то просветительным путем» [Слюсарев 1924].

Другим элементом антирелигиозного карнавала, державшимся довольно долго прежде всего в сельской местности, были «красные колядки». На заседании методико-пропагандистской комиссии 2-й Смо-

ленской губернской конференции Союза безбожников СССР, состоявшемся 21 декабря 1925 г., звучали такие выступления:

т. Грибков – рекомендует вести массовую работу, но против хождения с красной звездой и устройства елки. <...>

т. Мамлина – информирует, что практикуется хождение со звездой, внутри которой портрет Ленина, и вместо рождественских песен поют Интернационал, надо это искоренить.

т. Громова – методы раньше были скучные. Теперь же необходимо вести политууды, избегать хождения с портретом Ленина – это опасный уклон. При школах рекомендовать елки. Рекомендовать использовать ряженных. Против спектаклей. <...>

т. Соколов – <...> Категорически бороться против нового культа – хождения с портретом Ленина [ГАНИСО. Ф. 3196. Оп. 1. Д. 5. Л. 20].

В постановлении данного заседания среди прочего значилось:

...3) Считать хождение с красной звездой, портретом Ленина, со свечей и его славлением в рождественские праздники, нецелесообразно и недопустимо, т.к. они превращают политических работников в какие-то сверхъестественные личности и дают возможность превратить это в манифестацию.

4) Устройство официальных рождественских елок в государственных и советских учреждениях считать также нецелесообразным и заменять их вечерами, беседами и культурно-художественными вечерами в школах [ГАНИСО. Ф. 3196. Оп. 1. Д. 5. Л. 20 об.].

Власть вернулась к использованию методов «первых штурмов небес» на рубеже 1920–1930-х гг., в период фронтального развертывания наступления на религию. Как указывает А.А. Слезин, «с 1927 г. умеренный стиль антирелигиозной работы вновь стал неугодным для власти. Вновь “разумной организацией праздничного досуга”, якобы “предотвращающей массовые пьянки, хулиганства, обычно связанные с Рождеством”, назывались антирелигиозные карнавалы» [Слезин 2010, 89].

В постановлении бюро Смоленского губкома ВЛКСМ «О проведении антирелигиозной кампании», принятом 28 ноября 1928 г., говорилось:

Бюро губкома ВЛКСМ своим решением от 21 ноября подчеркнуло необходимость усиления антирелигиозной пропаганды среди молодежи,

усиления в ней элементов воинствующего материализма и классовой непримиримости и внесения в антирелигиозную работу элементов красочности и художественного оформления.

Ближайшим мероприятием в выполнении этого постановления должно быть проведение антирелигиозной рождественской кампании [Дети и молодежь Смоленщины 2006, 189].

Далее указывалось на то, что в ходе подготовки антирождественской кампании «особое внимание следует уделить на максимальное вовлечение молодежи в подготовку антирелигиозной кампании (подготовку антирелигиозных вечеров, лыжных вылазок, карнавалов, ледяных горок и т.д.). Только при массовом вовлечении молодежи во всю подготовительную рождественскую кампанию успех ее будет обеспечен» [Дети и молодежь Смоленщины 2006, 190]. В рождественские же дни рекомендовалось среди прочего организовывать «карнавалы на катках» [Там же, 191].

Вот как проходила антирождественская демонстрация в Смоленске вечером 7 января 1929 г., согласно корреспонденции «Рабочего пути»:

...В темень морозного вечера из подъезда нырнула фигура со знаменем. За ней другая, третья... Быстро пристраиваются. Гармошка сразу взяла забористый марш и

– Пошли.

Около здания губкома шумно. Одна за другой подходят организации. В головной колонне вспыхнул первый огонек факела, вслед за ними появились огни в других колоннах. – К клубу им. Томского! На антирождественскую демонстрацию! К демонстрантам присоединились участники губернского совещания агитпропработников.

...Новенький «московский» трамвай с трудом пробирается через ряды демонстрантов. У здания «Дворца Труда» короткий ударный митинг. Слова оратора слышны далеко в оба конца Ленинской. – Против «рождества»! Против старых, давно отживших традиций! К новой, нашей культуре! К науке!

Еще десяток-другой слов – демонстранты снова двигаются. Идут вниз по Советской встречать заднепровских демонстрантов.

Шум, смех, шутки, песни. Последних особенно много. Неважно, что воротники пальто и шуб покрылись инеем, что пятнадцатиградусный мороз заставляет выбивать четкий, «хороший» шаг.

«Сергий поп», демьяновские «Проводы», марш Буденного и выкопанная из архивов «Цыганочка черноока» – все перемешалось в общий шум, в общую песню.

На мосту поворот. Снова в гору. Обгоняет автомобиль. Громкое «ура» – ответ на лозунги: – Долой попов! Долой религиозный дурман! Да здравствует культурная революция!

В восемь часов вечера по улицам прошли последние ряды демонстрантов [Р-Ж 1929].

Через год в Смоленске, который к этому времени стал центром обширной Западной области, также было организовано атеистическое костюмированное шествие. Пятого января 1930 г. в «Рабочем пути» было объявлено, что «6 января в Смоленске проводится антирелигиозный карнавал, в котором примут участие профсоюзные организации, воинские части, комсомол, учащиеся ВУЗов, техникумов и старших групп девятилеток и семьи рабочих и служащих». Собираться участники должны были к 18.00. Начало шествия планировалось на 18.30. Особо в объявлении было отмечено, что «все колонны должны иметь факелы, оркестры, лозунги и т.д.» [Антирелигиозный карнавал 1930].

На карнавалах их организаторы особо стремились подчеркнуть «паразитическую» «антинаучную» сущность религии и использование ее старым режимом и капиталом для одурманивания трудящихся. В ходе антирождественского карнавала 1930 г. в Смоленске «рабочие печатники» провезли «на свалку два гроба: один с надписью “религия” и другой с надписью “капитал”» [Вечером 1930].

Впрочем, так же, как и в середине 1920-х гг., использование карнавалов как средства борьбы с религией было недолгим. В статье, опубликованной в молодежной газете «Большевистский молодец» в день Пасхи 20 апреля 1930 г., руководитель областного отделения СВБ А. Стахурский объяснял:

В этом году мы не проводим карнавалов. Почему? Потому что нам нужна не шумиха, не антирелигиозная «трескотня», а серьезная разьяснительная пропагандистская работа. Если вместо массового охвата трудящихся индивидуальной и групповой агитацией, вместо мобилизации клубов, изб-читален, кино, театров, музеев, радио, – кое-где усиленно закупили ракеты, сшили костюмы для маскарадов, а основную цель прозевали, – это значит, что там сдали позиции, увлеклись внешней мишурой в борьбе с злейшим и опытным классовым врагом [Стахурский 1930].

Тем не менее, как можно судить по документам в прессе, некоторое время на «низовом» уровне антирелигиозные карнавалы еще устраивались. В феврале 1931 г. в главной областной газете сообщалось о безобразиях, творящихся на городском катке по вине его заведующего и горпрофсовета, в чьем ведении состоял объект. Среди прочего говорилось и о «срыве антирелигиозного карнавала» [Секретариат 1931].

Подводя итог, можно констатировать, что антирелигиозные карнавалы, проводившиеся впервые в рамках «комсомольского рождества», стали важной составной частью борьбы новой власти с религией. Используя элементы традиционных праздничных обрядов, радикально настроенные представители руководства, особенно комсомольского, стремились привлечь на свою сторону главным образом малообразованное население, высмеивая обычаи и традиции разных религий. Однако серьезного результата это не принесло. Более того, с самого начала подобная практика подвергалась критике сверху как яркий пример «левацких методов» в борьбе с религиозными предрассудками, оскорбляющих чувства верующих. Тем не менее антирелигиозные карнавалы в той или иной форме проводились до начала 1930-х гг., они стали составной частью советской массовой культуры.

Литература и источники

- 34-летний комсомолец 1923 – 34-летний комсомолец. В Рославле // Юный товарищ. 1923. № 2. 3 февраля.
- Антирелигиозный карнавал 1930 – Антирелигиозный карнавал // Рабочий путь. 1930. № 4. 5 января.
- Безбожник 1923 – Безбожник. На красный карнавал // Юный товарищ. 1923. № 1. 7 января.
- Вечером 1930 – Вечером 6 декабря на улицах Смоленска // Рабочий путь. 1930. № 6. 8 января.
- Г-ый 1923 – Г-ый Н. На «Комсомольском рождестве» (наброски на ходу) // Юный товарищ. 1923. № 2. 3 февраля.
- ГАНИСО – Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. 3196. Оп. 1. Д. 5 («Протоколы заседания комиссии при Смоленской губернской конференции союза и список учета делегатов»). 1925–1926 гг.

- Главацкая, Бахарев, Заболотных, Торвальдсен 2017 – *Главацкая Е.М., Бахарев Д.С., Заболотных Е.А., Торвальдсен Г.Т.* Религия в ландшафте раннесоветского города: идеи, мифы, смыслы (на примере Екатеринбурга – Свердловска) // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: Сб. науч. тр. / Гл. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2017. С. 340–353.
- Гр. 1923 – *Гр. И.* Комсомольские святки // Рабочий путь. 1923. № 2. 3 января.
- Губкоммол 1923 – Губкоммол «Комсомольское рождество» // Рабочий путь. 1923. № 4. 5 января.
- Дети и молодежь Смоленщины 2006 – Дети и молодежь Смоленщины. 1920–1930-е годы: Сб. документов / Под ред. Е.В. Кодина. Смоленск: Маджента, 2006. 528 с.
- Егоров 1923 – *Егоров А.* Комсомольское рождество в Смоленске // Рабочий путь. 1923. № 7. 11 января.
- «Комсомольское рождество» в Смоленске 1923 – «Комсомольское рождество» в Смоленске // Рабочий путь. 1923. № 1. 1 января.
- КПСС в резолюциях 1984 – КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 3. М.: Издательство политической литературы, 1984. 494 с.
- Курляндский 2011 – *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Кучково поле, 2011. 704 с.
- Неверующий 1922 – *Неверующий.* «Комсомольские святки» // Юный товарищ. 1922. № 14. 13 декабря.
- Р-Ж 1929 – *Р-Ж Д.* В «рождественский» морозный вечер... Антирождественская демонстрация 7 января // Рабочий путь. 1929. № 6. 9 января.
- Секретариат 1931 – Секретариат Зап. Обл. СФК. Прекратить безобразия на катке // Рабочий путь. 1931. № 28. 3 февраля.
- Слезин 2010 – *Слезин А.А.* Антирелигиозные праздники 1920-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 82–91.
- Слюсарев 1924 – *Слюсарев.* Довольно антирелигиозного хулиганства // Юный товарищ. 1924. № 34. 17 сентября.
- Стахурский 1930 – *Стахурский А.* Нанесем новый удар врагам // Большевицкий молодец. 1930. № 90. 20 апреля.
- Шмелев 2015 – *Шмелев С.А.* Красное «комсомольское рождество» и проблема формирования нового быта в начале 1920-х гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. 2015. № 3. С. 92–99.

“We Use our Christmas Carols <...> Putting it All <...> through a Communist Prism”: Carnivals as Part of the Anti-religious Campaigns of the 1920^s and 1930^s (Based on Materials from the Smolensk Province and the Western Region)

Demyan Valuev

Smolensk State University,
Smolensk, Russia

Associate Professor, Candidate of Historical Sciences

ORCID: 0000-0002-8454-0295

Department of General History and International Relations of Smolensk State University

214000, Smolensk, st. Przhevalsky, 4,

Tel.: +7 (4812) 700-280,

E-mail: valuev.demyan@mail.ru

Summary: At the beginning of NEP, the Soviet leadership somewhat eased the pressure on religion. At the same time, it was not going to give up the struggle with “religious prejudices”. A characteristic feature of the anti-church campaign organized at the turn of 1922 and 1923. It became that the main emphasis in its organization was placed on means affecting the emotional sphere. Its central event was the “Komsomol Christmas”. Its core was carnivals, during which the customs and traditions of different religions were ridiculed. According to the same scenario, it was supposed to hold the “Komsomol Easter”. But in March 1923, the Central Committee of the RKSM banned “the organization of any kind of street demonstrations and carnivals”, recommending that anti-religious campaigns be given a more “in-depth propaganda character”. Nevertheless, at the very end of the 1920^s, the authorities began to return to those practices that had previously been rejected as “rude” and “harmful”. In particular, anti-Christmas and anti-Easter carnivals were organized in the image and likeness of the Komsomol Christmas of 1923. Using materials from the Smolensk archives and the local press, it is possible to reconstruct the process of organizing and holding anti-religious processions, identify their regional characteristics, and trace the reaction of the population to them.

Keywords: *Anti-religious carnival, “Komsomol Christmas”, Smolensk, the Union of Militant Atheists*

References

- Kodin, E.V., ed., 2006, *Deti i molodezh' Smolenshchiny. 1920–1930-ye gody: Sbornik dokumentov* [Children and youth of the Smolensk region. 1920–1930^s: Collection of documents]. Smolensk, Madzhenta, 528.
- Glavatskaya, E.M., and D.S. Bakharev, E.A. Zabolotnykh, G.T. Torval'dsen, 2017. *Religiya v landshafte rannesovetskogo goroda: idei, mify, smysly (na primere Yekaterinburga – Sverdlovska)* [Religion in the landscape of an early Soviet city: ideas, myths, meanings (on the example of Yekaterinburg – Sverdlovsk)]. *Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy* [The era of socialist reconstruction: ideas, myths and programs of social transformations], ed. L.N. Mazur, 340–353. Yekaterinburg, Izdatel'stro Ural'skogo universiteta, 754.
- Kurlyandskiy, I.A., 2011, *Stalin, vlast', religiya (religioznyy i tserkovnyy faktory vo vnutrenney politike sovetskogo gosudarstva v 1922–1953 gg.)* [Stalin, power, religion (religious and ecclesiastical factors in the internal politics of the Soviet state in 1922–1953)]. Moscow, Kuchkovo pole, 704.
- Slezin, A.A., 2010, *Antireligioznyye prazdniki 1920-kh gg.* [Anti-religious celebrations of the 1920^s]. *Voprosy istorii*, 12, 82–91.
- Shmelev, S.A., 2015, *Krasnoye “komsomol'skoye rozhdestvo” i problema formirovaniya novogo byta v nachale 1920-kh gg.* [Red “Komsomol Christmas” and the problem of the formation of a new way of life in the early 1920^s]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, vol. 17, 3, 92–99.